

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕРМИНА РЕАЛИЯ

Н. А. Фененко

Воронежский государственный университет

В статье анализируются различные концепции реалии, получившие наибольшее распространение в современном языкознании и переводоведении.

Отмечая отсутствие единства в трактовке разнородных фактов, которые можно объединить термином реалия, автор предлагает подход, позволяющий дать системное описание анализируемого явления. Суть этого подхода заключается в терминологизации каждой из сторон реалии, выделении их «в чистом виде» и использовании для их обозначения специального термина: R-реалия, С-реалия, L-реалия. При этом термин реалия сохраняется в качестве родового. Предлагаемая типология отражает основные направления лингвистического освоения действительности: она позволяет выявить особенности отражения в языке «своей» действительности и освоение языком «чужой» действительности и, следовательно, раскрыть механизм взаимного обогащения языка оригинала и языка перевода.

Термин *реалия* получил распространение в лингвистике с начала 1950-х годов, когда о реалиях как «носителях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия» заговорили в связи с проблемами перевода.

Анализируя статьи и диссертационные исследования этого периода, болгарские переводоведы С. Влахов и С. Флорин привлекли внимание к употреблению как самого термина *реалия*, так и синонимичных ему номинаций: «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», а также многочисленных терминов-гипонимов (локализм, бытовое слово, алиенизм) и гиперонимов (экзотизм, варваризм, этнокультурная лексика, этнолексемы) [подробный анализ см.: 4, 49—60]. Этими терминами были обозначены слова, называющие предметы и понятия быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. лексические единицы, передающие специфические особенности одного народа, отличающие его от других народов. К ним относили, в частности, номинации блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев, устного народного творчества, а также слова и словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления, торговые и общественные заведения. К этому перечню добавляли географические пункты, произведения искусства и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений,

явление природы, носящие региональный характер, а также, по признанию самих авторов, множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации (там же, 58).

Рассматривая реалии как факт «непереводимого в переводе», который «можно и должно перевести, т.е. переложить, перевыразить, воспроизвести для нового читателя на его языке», болгарские ученые предлагают собственную концепцию реалии как «особой категории средств выражения». Ее основу составляет положение о том, что **«реалия — это слово, а не объект (референт), названный им»** (там же, 21). Развивая эту мысль, авторы определяют реалии как слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода (там же, 59—60). Из этого определения следует, что национальный колорит и отсутствие эквивалента на другом языке — два основных признака реалий и, одновременно, два важнейших критерия их отграничения от других классов слов (там же, 161; 212). Теория реалии как *лексического разряда слов*, наиболее четко реагирующих на общественные события, получила дальнейшее развитие в работах некоторых отечественных исследователей [13, 9; 19, 5].

Между тем, большинство специалистов в области теории перевода придерживаются иной

точки зрения и, говоря о переводе реалии, имеют в виду номинацию референта как конкретного объекта внеязыковой действительности или денотата как класса объектов реальной действительности, которые могут быть определены данным понятием, т.е. подпадают под его содержание. Так, А. В. Федоров отмечает, что для лингвистической общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий [20, 206]. При этом «речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о «переводе» самих реалий, ибо **реалия** — **понятие экстралингвистическое** и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь (выделено нами — *Н.Ф.*). Аналогичного мнения придерживается А. Д. Швейцер, который определяет реалии как предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом [24, 250]. Выражение «перевод реалий» А. В. Федоров квалифицирует как терминологически некорректное и предлагает говорить в этом случае о «передаче реалий», поскольку слово «передача» шире по значению, чем «перевод» и может относиться к экстралингвистическим понятиям [20, 206—207].

Для уточнения термина специалисты в области перевода и сопоставительной лингвистики предлагают различать, с одной стороны, реалии как предметы, связанные с историей, культурой, экономикой, или в более широком смысле — все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т.п. [7], а, с другой стороны, «слова-реалии» [19; 5; 6], «термины-реалии» [24], «знаки-реалии», «имена реалии» [8]. Спецификация термина осуществляется и путем обращения к локальной или временной его характеристике: выделяют «национальные реалии», «реалии-американизмы», «реалии-советизмы», «реалии-неологизмы», «реалии-историзмы» [18; 19; 12; 15]. Тем самым реалию как предмет объективной действительности противопоставляют единице ее номинации в системе языка.

Вместе с тем, в отечественном языкознании допускается и альтернативное (синонимичное) употребление терминов [6, 51; 336]. Так, согласно краткому словарю переводческих терминов Р. К. Миньяр-Белоручева, национальные реалии — предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями также называют слова и словосочетания, обозначающие их [15, 172].

В отличие от отечественного подхода, французская лингвистическая и переводоведческая традиции четко и последовательно дифференцируют реалию как референт; *réfèrent, fait culturel, traits culturels étrangers* [29, 97] *concepts liés à la culture* и как его номинацию: *vocable local, vocable à valeur culturelle, terme culturel, termes qui désignent des réalités* [30; 31; 32]. Дефиниция реалии во французских лингвистических словарях отражает закрепленное за термином его понимание в издательско-полиграфическом контексте. Реалия квалифицируется как элемент комментария к художественным произведениям и представляет собой пояснение к упоминаемым в тексте датам, событиям и т.п. (www.prodtp.ru): «Dans un dictionnaire, les *realia* sont les illustrations représentant les objets désignés par les mots. Ce sont les représentations des «choses» dénotées par les entrées lexicographiques (les denotata)» [28, 405]. Из этого определения следует, что используемые в словаре картинки (*illustrations*) рассматриваются как адекватный и эффективный способ представления значения слова в тех случаях, когда у него «заполнен» денотативный слой значения, т.е. с ним действительно ассоциируется некоторый образ эталонного представителя соответствующей категории предметов или явлений действительности [10, 84].

При этом нельзя не заметить, что сам термин *realia* во французском лингвистическом контексте используется весьма редко [26, 12; 27, 38].

Трудности решения ключевого вопроса, связанного с дефиницией термина реалия, объясняются, прежде всего, фактом его экстраполяции в лингвистику из других наук. Унаследованный из классических грамматик [19, 10] и образованный от латинского *realis* — «вещественный, действительный», термин *realia* в полном объеме сохраняет этимологическое значение и определяется как «единичный предмет, вещь, то, что есть, существует» [17]. Подобное понимание закреплено теорией номинации, где *realia* определяется как денотат имени (денотатируемый объект обозначения), т.е. совокупность свойств, вычлененных в актах номинации у всех обозначаемых данным именем реалий, т.е. класса объектов [14, 336]. В таком понимании *realia* употребляется в большинстве фундаментальных и прикладных лингвокультурологических исследований, в том числе в работах отечественных и французских романистов. Показательно в этой связи замечание Р. А. Будагова о том, что история слов должна изучаться в связи с историей реалий [2, 364]. Философский и социо-

логический контексты не ограничивают класс реалий категорией «вещности»: согласно «Универсальной энциклопедии», реалия — это предмет, вещь, а также факт, социальный процесс, явление, существующее в реальной жизни (www.mega.km.ru; www.encycl.assoopa.ru). Иначе говоря, реалия как философский феномен представляет собой часть пространственно-временного континуума, поскольку «вещь именуется все, что вообще и каким бы то ни было образом есть».

В современных лингвокультурологических концепциях наряду с реалией для определения языковых единиц, репрезентирующих культурные концепты, все чаще используются термины культурема [7] и лингвокультурема [3]. Они представляют собой языковое выражение реалии, проявляющееся в обособленной группе знаков языковой картины мира, которые несут в себе совокупность признаков культурологического фонда того или иного народа [16]. Новые термины определяют не только названия предметов, но и понятий, концептов, не встречающихся или встречающихся в другом виде у представителей другой лингвокультурной общности [3]. При этом происходит существенное расширение традиционных границ реаликона за счет лингвокультурема, определяющих моральные, интеллектуальные и художественные ценности нации, черты ее национального менталитета. Например, для «картины мира» французской лингвокультурной общности значимыми оказываются такие черты, как картезианский характер мышления и индивидуализм, преобладание рационального над интуитивным, восприятие ситуации в расчлененном виде, гибкость, мобильность, способность к обновлению, любовь к мелким, тщательно отделанным деталям, ощущение своей исторической преемственности по отношению к прошлому (большей частью к древнеримской цивилизации) [3]. В связи с этим французские лингвокультурема (лингвокультурологические реалии), зафиксированные наиболее полным на сегодняшний день лингвострановедческим словарем «Франция» [23], выступают как весьма разнородные единицы, ср.:

Cru t виноградная зона (где произрастает сорт винограда, идущий на изготовление марочного вина).

Grillades m pl продукты, обжаренные на вертеле или решетке // Блюда из мяса, дичи, рыбы, приготовленные в электрогрилях и микроволновых печах.

Carte amethyste аметистовая карточка // Проездной билет на железнодорожный транспорт.

Является одной из льгот, которыми пользуются лица, имеющие право на социальную помощь (постарелые, инвалиды, дети и жены погибших на войне, люди, находящиеся за чертой бедности, а также люди, занимающие определенные административные должности). Выдается бесплатно или со скидкой 50 % отделом социальной помощи мэрий. Иногда называется «народными билетами» (billets populaires).

Gothique flamboyant пламенеющая готика // Разновидность готического искусства позднего периода (XV в.).

Esprit gaulois галльский юмор // Грубый площадной юмор. В русском языке употребляется в ином смысле — как обозначение легкого изящного остроумия, свойственного французам.

Как видно, в круг реалий вовлекаются вместе с натурфактами и артефактами, которые «по своей природе дискретны, портретны» [1] и так называемые *ментефакты* — знания, концепты, представления, т.е. элементы «содержания» сознания [11], границы которых весьма расплывчаты и подвижны. Справедливости ради, нужно отметить, что на зыбкость границ этой категории слов указывали и сами основоположники теории реалии. Предлагая достаточно четкую классификацию, основанную на принципе «предметного деления», С. Влахов и С. Флорин признают, что в нее плохо «встраиваются» так называемые ситуативные реалии. Под ними авторы понимают различные «единицы отражения действительности» — описания, целые куски текста, которые передают элементы фона, а также содержащиеся в отдельных словах намеки, аллюзии и ассоциации — литературные, фольклорные, мифологические, исторические, общекультурные [4, 210]. И хотя все эти феномены (по сути, ментефакты) являются яркими носителями национального и временного колорита, их сигнификативная специфика не позволяет считать их безусловными реалиями.

Разнообразие используемых терминов, слабая разработанность исходной базы анализа свидетельствуют об отсутствии единства в подходе к фактам, которые можно объединить понятием реалии, что существенно затрудняет их осмысление в аспекте языкового освоения действительности, а также их категоризацию.

Системное представление реалии, позволяющее внести ясность в решение совокупности связанных с ней проблем, видится нам в терминологизации каждой из сторон реалии, выделении их «в чистом виде» и использовании для их обозначения специального термина [22; 21]:

— реалию как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) целесообразно обозначить термином *R-реалия* (от французского — *réalité* — реальная действительность);

— реалию как идеальный эквивалент среды обитания социума (ментефакт) — термином *C-реалия* (от французского *concept culturel* — культурный концепт);

— реалию как средство номинации культурного концепта — термином *L-реалия* (от французского *lexème* — слово).

Термин *реалия* можно сохранить в качестве родового.

Предлагаемая терминология позволяет выявить особенности отражения в языке «своей» действительности и освоения языком «чужой» действительности. Она дает возможность раскрыть механизм взаимного обогащения языка-оригинала и языка-перевода, суть которого сводится к следующему. R-реалии расширяют номинативные возможности и денотативное пространство языка перевода, связывая уже имеющиеся в языке слова и значения с новыми явлениями внеязыковой действительности (денотатами). C-реалии расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке-реципиенте. Наконец, L-реалии расширяют словарь языка перевода за счет новых лексем, заимствуемых из языка оригинала — всегда вместе с новым понятием и часто — вместе с новым денотатом (натурфактом, артефактом) или сигнификатом (ментефактом).

Данная типология отражает основные направления лингвистического освоения действительности и может обогатить содержание таких проблем, как «язык и действительность», «язык и мышление», «язык как система», «язык и речь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) / Р. А. Будагов — 2-е изд. — М.: Добросвет — 2000, 2004. — 416 с.
3. Веденина Л.Г. Послесловие / Л. Г. Веденина Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц. — М.: Интердиалект+/АМТ, 1997. — С. 1023—1033.
4. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Р. Валент, 2006. — 447 с.
5. Волков С.С. Лингвострановедческое комментирование художественного текста : (слова-реалии в «Бурмистре» И. С. Тургенева) // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж, 1987. — С. 35—42.
6. Гак В.Г. Теория и практика перевода : французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. — М. : Интердиалект+, 2000. — 456 с.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак — М. : Языки рус. культуры, 1998. — 768 с.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
9. Издательско-полиграфический словарь-справочник — (www.prodtp.ru)
10. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
12. Кудряшов В.С. Семантико-прагматический аспект перевода реалий / В. С. Кудряшов // Тетради переводчика. — 1989. — Вып. 23. — С. 40—48.
13. Кузнецов В.Г. Реалии советской действительности и способы их перевода на французский язык / В. Г. Кузнецов // Иностр. яз. в шк. — 1982. — № 1. — С. 9—13.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Сов. энцикл., 1990. — 686 с.
15. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М. : Готика, 1999. — 176 с.
16. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации / С. А. Моисеева, Е. А. Огнева. — Белгород : Белгород. гос. ун-т, 2003. — 207 с.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Сов. энцикл., 1972. — 848 с.
18. Садилов А.В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте / А. В. Садилов // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. — М., 1984. — Вып. 21. — С. 77—89.
19. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы : пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. — М. : Высш. шк., 1988. — 240 с.
20. Федоров А.В. Основы общей теории перевода : (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. — М. : Высш. шк., 2002. — 416 с.
21. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко.; под. ред. А. А. Кретьова. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. — 140 с.
22. Фененко Н.А., Кретьов А.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков (к проблеме языкового освоения «чужой» действительности) / Н. А. Фененко, А. А. Кретьов // Социокультурные проблемы перевода. — Вып. 3. — Воронеж: ВГУ, 1999. — С. 82—94.
23. Франция : лингвострановедческий словарь : 7000 единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. — М. : Интердиалект+/АМТ, 1997. — 1040 с.
24. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика : (газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А. Д. Швейцер. — М. : Воениздат, 1973. — 280 с.

25. Энциклопедия Ассона. — (www.encycl.accoona.ru)
26. *Catach N.* Les signes graphiques du mot à travers l'histoire // *Langue française*, № 119, septembre 1998. — P. 10-23.
27. *Chesterman A.* La Traductologie: théorie de relations traductionnelles / *A. Chesterman* // *Identité, altérité, équivalence? : La traduction comme relation.* — P., 2002. — P. 35—55.
28. *Dictionnaire de linguistique* / *J. Dubois, L. Giacomo, L. Guespin, Ch. Marcellesi, J.-P. Mevel.* — P. : Librairie Larousse, 1973. — 516 p.
29. *Gouanvic J.-M.* Les enjeux de la traduction dans le champ littéraire : le roman américain traduit dans l'espace culturel français au lendemain de la Seconde Guerre mondiale / *J.-M. Gouanvic* // *Palimpsestes «Traduire la culture»* / *Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français.* — P., 1998, №11. — P. 95-107.
30. *Lederer M.* Correspondance et équivalences : faits de langue et faits de discours en traduction / *M. Lederer* // *Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation.* — P., 2002. — P. 17—35.
31. *Lederer M.* La traduction aujourd'hui : Le modèle interprétatif / *M. Lederer.* — P. : Hachette-Livre, 1994. — 224 p.
32. *Lederer M.* Traduire le culturel: la problématique de l'explicitation / *M. Lederer* // *Traduire la culture* / *Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français.* — 1998. — P. 161—173.
33. *Megabook.ru.* Универсальная энциклопедия. — (www.mega.km.ru)